

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ СЛУЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА
(НА ПРИМЕРЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ
БОЛХОВЕЦКОГО УЕЗДА 1718 ГОДА)**

Е.В. Шварев,

кандидат социологических наук, доцент,
г. Белгород

На примере социологического анализа переписной книги Болховца и уезда 1718 года автор исследует особенности социальной структуры служилого населения юго-западной России в первой четверти XVIII века. К основным признакам, по которым стратифицируется социальное пространство г. Болховца и уезда, автор относит: пространственную оппозицию «город-уезд»; принадлежность к церковному приходу; сословную принадлежность, определяемую специальной обязанностью населения по отношению к государству; гендерные и возрастные признаки.

Ключевые слова и фразы: *служилые люди, однодворцы, стратификация, переписная книга, город Болховец, Болховецкий уезд.*

Вопросы социальной структуры российского общества XVIII века традиционно рассматривались в рамках классового подхода сквозь призму макросоциологического анализа. Особенностью исследований подобного типа является выявление масштабных социальных процессов и, соответственно, распределение социального состава российского общества на крупные социальные группы – классы или сословия – по макросоциологическим критериям, типичным для российского общества как в целом, так и в его определенный исторический период.

В рамках макросоциологического подхода к социальной структуре населения из поля зрения исследователей исчезают, как правило, микросоциальные процессы, актуальные для определенного социального пространства-времени, имеющего свои социологические особенности.

Предметом нашего исследования является социальная стратификация служилого населения Болховецкого уезда, зафиксированная в переписной книге 1718 года. Целью исследования является социологический анализ особенностей социальной структуры населения на примере конкретного региона России начала XVIII века и выделение основных признаков социального неравенства населения, характерных для определенного социального пространства-времени.

Методологической основой исследования выступают историографические принципы «новой локальной истории» и связанные с ней отдельные положения теории социально-

экономической географии, теория социальной стратификации П.А. Сорокина.

Принципы «новой локальной истории» позволяют актуализировать исследование локальных сообществ в качестве субъектов исторического процесса сквозь призму истории повседневности (Т.А. Булыгина¹, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева²). Применительно к нашему исследованию методологические подходы «новой локальной истории» важны, во-первых, в контексте изучения социальных практик локального микросообщества, что служит инструментом более объемного изучения процессов, происходивших в локальных сообществах прошлого. Во-вторых, в необходимости использования многообразного спектра междисциплинарных исследовательских приемов при изучении архивных источников.

Переписные книги 1718–1719 годов, с точки зрения традиционной историографии, предоставляют информацию о закономерностях формирования налоговой системы Российского государства в начале XVIII века, о процессах формирования тяглого сословия и особенностях учета податного населения в начале XVIII века. С другой стороны, документы этого формата интересны исследователям в рамках генеалогии и исторического краеведения. Мы рассматриваем взятый для анализа архивный документ «Книга переписная церковнослужителей, подъячих, солдат, рейтар, стрельцов, пушкарей городовою службы и другого населения г. Болховца и уезда»³

как отражение социальных практик населения Болховецкого уезда в коэкзистенциальном социальном пространстве-времени.

Принципы социально-экономической географии дают возможность осмыслить исследуемый регион с позиции пространственной стратификации как единую сеть, имеющую территориальное распределение функций⁴.

В этом аспекте Болховецкий уезд начала XVIII века выступает как единое территориальное целое, дифференцированное в то же время в пространстве оппозиций «город-уезд». Системность оппозиций «город-уезд» проявляется уже в названии исследуемого архивного документа. Существование этой пространственной оппозиции связано с особенностями пространственной стратификации России конца XVII – начала XVIII веков, основным элементом которой являлся «город» – «...все то, что окружено стеною, укреплено тыном или огорожено другим способом»⁵. Этот аспект подтверждает и Ю. Готье, указывающий на то, что сам термин «уезд» (в значении пространства административно-территориального образования) обычно заменялся термином «город», под которым разумелся как самый городской центр, так и тянувшаяся к нему уездная территория⁶.

Болховец (Болховой) как город-крепость возник в 1646 году в качестве одного из стратегических элементов Белгородской черты. Поселение имело исключительно военный характер, что проявлялось не только в особенностях его крепостных укреплений, но и в структуре городского населения, большая часть которого состояла из служилых людей, и в системе пригородных укреплений⁷. Неотъемлемую, составную часть города Болховца, как, впрочем, и любого города-крепости Белгородской черты, по словам Д. Багалея⁸, составляли пригородные слободы – Стрелецкая, Казацкая, Драгунская, Пушкарная, – представлявшие собой особый тип великорусского поселения, жители которого освобождалось от многих государственных повинностей. Формирование уездной территории Болховца «как сельской округи, тянувшейся к крупному населенному пункту»⁹ начинается уже с момента образования города, что было связано с необходимостью обустройства быта семей служилого населения.

Пространственная оппозиция «город-уезд» накладывала отпечаток и на социальную структуру населения Болховецкого уезда, стратифи-

цированного соответственно по двум основным критериям «городские» и «уездные». К «городским» переписная книга 1718 года относит население города Болховца с пригородными слободами (посадам), к «уездным» – население поселений сельского типа, расположенных на уездной территории. По данным переписи 1718 года, к «уездным» относилось население села Космодемьянского и деревни Быковой, села Лучек и деревни Яковлевой, села Моячки, села Грязного, села Высокого¹⁰.

Так, согласно итоговым данным переписной книги г. Болховца и уезда 1718 года, доля городского населения в общей структуре населения Болховецкого уезда составила 31,9% (1035 человек), доля уездного населения 68,1% (2206 человек)¹¹.

Необходимо обратить внимание и на плотность населения Болховецкого уезда, измеряемость которой в тот период, по нашему мнению, во многом определялась такой единицей как «двор». Число зафиксированных «городских» дворов в дворовой структуре Болховецкого уезда составляла 37,5% (152 двора), число «уездных» дворов – 62,5% (253 двора)¹².

Вторым пространственным критерием, определяющим социальную структуру населения Болховецкого уезда в 1718 года, был критерий принадлежности к церковному приходу. Городское население города Болховца распределялось по приходам четырех городских церквей. Приход Соборной церкви Покрова Пресвятой Богородицы в 1718 году был самым малочисленным среди городских приходов: с 14,5% дворов (22 двора) и 14,7% городского населения (152 человека). Самым многочисленным среди городских приходов, по данным анализа переписной книги, являлся приход церкви во имя Николая Чудотворца: в его структуре числилось 34,9% городских дворов (53 ед.) с 35,3% городского населения (365 человек). Остальные церковные приходы города Болховца охватывали городское население в следующих пропорциях: приход церкви Рождества Христова – 27,6% дворов (42 двора), 27,5% городского населения (285 чел.); приход церкви во имя Космы и Демьяна – 23% дворов (35 ед.), 21,9% городского населения (227 человек).

На уездной территории располагалось пять церковных приходов. Особенностью сельских приходов Болховецкого уезда являлось то, такое поселение как «деревня» не имело самостоя-

тельной церкви и относило к церковному приходу ближайшего села. Наиболее многочисленным среди уездного населения был сельский приход церкви во имя Богоявления Господня (село Лучки и деревня Яковлева) с 33,6% дворов (85 ед.) и 31,4% уездного населения (692 человека); Распределение уездного населения по другим приходам следующее: приход церкви во имя Василия Косарецкого (село Высокое) – 25,7% дворов (65 ед.) 22,8% уездного населения (502 человека); приход церкви во имя Космы и Демьяна (село Космодемьянское и деревня Быкова) с 19% дворов (48 ед.) и 23,8% сельского населения (524 человека); приход церкви во имя Рождества Христова и Николая Чудотворца (село Моячки) 13,8% дворов (35 дворов) и 12,2% уездного населения (270 человек); приход церкви во имя Архангела Михаила (село Грязное) – 7,9% дворов (20 дворов) и 9,9% уездного населения (218 человек)¹³.

Уездно-приходская структура населения Болховецкого уезда коррелировалась с его сословной структурой. Анализ данных переписной книги города Болховца и уезда 1718 года позволяет выделить три основных сословия в структуре болховецкого населения: однодворцы, священно- и церковнослужители, дворовые люди, крестьяне¹⁴.

Однодворцы были основным сословием Болховецкого уезда. Их доля в структуре города и уезда самая большая – 90,4% дворов (366 ед.) с 92,1% (2986 человек) населения города и уезда. В начале XVIII века в России однодворцами начинают называть сословие непосредственно служилых людей, их детей, жен, свойственников. Однодворцы составляли основную долю населения городов-крепостей и их уездов, возникших в XVI–XVII веках на окраинных территориях Российского государства.

Анализ переписной книги Болховецкого уезда 1718 года показывает, что в 1718 году однодворцы как единый слой рассматриваются в большей степени с экономической точки зрения – как податное население, состоящее «в окладе и тягло платить могущее». В то же время, исследуемая переписная книга непосредственно в ее переписном блоке фиксирует факт распределения однодворцев по отдельным

стратам в зависимости от принадлежности к той или иной статусной группе служилых людей. При этом критерий отношения к роду военной службы главы двора является актуальным и для членов этого двора (детей и свойственников). Строгости и четкости в распределении населения по группам служилых людей в переписной книге 1718 года, в отличие от подобных документов более ранних лет, нет, что указывает на тенденцию распада старых слоев служилого населения, и их перехода в единое сословие однодворцев.

Из 2986 человек, записанных в переписной книге 1718 года в однодворцы, четкое указание на род военной службы присутствует только у 319 человек (11% однодворцев). Их распределение по роду военной службы следующее: солдаты – 36,4%, городовые (включая отставных) – 20,7%, стрельцы – 14,4%, рейтары – 10,3%, казаки – 7,2%, пушкари – 4,4%, драгуны (включая отставных) – 3,4%, копейщики – 2,8%, литаврщики – 0,3% служилых людей.

Итоги переписи 1718-1719 годов были недостаточно полными и уточнялись в 1721 году. По уточненным сведениям 1721 года в 1719 году в городе Болховце и уезде среди однодворцев числилось 366 служилых людей. Распределение их и членов их семей по роду военной службы среди однодворцев Болховецкого уезда следующее: солдаты – 43,5% однодворцев, городовые – 18,1%, рейтары – 12,9%, стрельцы – 8,0%, копейщики – 4,7%, казаки – 4,1%, отставные драгуны – 3,7%, пушкари – 3,1%, трубачи – 0,3%, бездворные однодворцы – 1,6%¹⁵.

Интересна стратификация однодворческого сословия Болховецкого уезда по половозрастному критерию. Большинство из переписанного в 1718 году однодворческого населения составляли женщины (52,8%). Доля мужчин составляла 47,2% среди однодворческого населения. 50,7% однодворческого населения Болховецкого уезда, по переписи, составляли несовершеннолетние в возрасте до 20 лет. 40,3% – однодворцы в возрасте от 20 до 60 лет. Доля однодворческого населения в возрасте от 60 до 100 лет по Болховцу и уезду составляла 8,9%¹⁶. Подробная стратификация однодворческого населения Болховецкого уезда по полу и возрасту представлена в табл. 1.

Таблица 1. Половозрастная структура однодворческого населения г. Болховца и Болховецкого уезда по переписи 1718 года

Возрастные группы	Количество по полу, чел			Доля по полу, %		
	Женщин	Мужчин	Обоего пола	Женщин	Мужчин	Обоего пола
1 до 5 лет	204	267	471	43,3	56,7	15,8
от 5 до 10 лет	196	177	373	52,5	47,5	12,5
от 10 до 15 лет	193	211	404	47,8	52,2	13,5
от 15 до 20 лет	141	126	267	52,8	47,2	8,9
от 20 до 30 лет	261	194	455	57,4	42,6	15,2
от 30 до 40 лет	163	130	293	55,6	44,4	9,8
от 40 до 50 лет	149	89	238	62,6	37,4	8,0
от 50 до 60 лет	129	89	218	59,2	40,8	7,3
от 60 до 70 лет	61	53	114	53,5	46,5	3,8
от 70 до 80 лет	36	34	70	51,4	48,6	2,3
80 лет	1	2	3	33,3	66,7	0,1
от 80 до 90 лет	28	22	50	56,0	44,0	1,7
90 лет	1	2	3	33,3	66,7	0,1
от 90 до 100 лет	7	8	15	46,7	53,3	0,5
100 лет	7	5	12	58,3	41,7	0,4
Общий итог	1577	1409	2986	52,8	47,2	100,0

Таким образом, на примере анализа переписной книги Болховецкого уезда можно наблюдать закономерные для юго-западных земель Российского государства начала XVIII века процессы, связанные с формированием нового социального слоя – однодворцев. В 1718 году этот слой представлял собой многослойную структуру, включавшую в себя остатки прежних служилых чинов XVII века городской и полковой служб, объединяемую в тоже время уже по экономическому критерию как податное сословие. Появление в переписных книгах начала XVIII века женской части служилого населения демон-

стрирует перемещение однодворческого сословия в социальном пространстве Российского государства из группы обязанных государству военной и приказной службой в группу обязанных платить государству тягло, т.е. фактическое превращение в фискальную категорию. Перепись 1718 года фиксирует также процесс разделения синкретичного для документов XVII века пространства служилого города-крепости на городское и уездное население, что являлось закономерным следствием поиска модели наиболее эффективного губернского деления первой четверти XVIII века.

¹ Булыгина Т.А., Маловичко С.И. Новая локальная история: новые исследовательские практики // Новая локальная история. Вып. 3. Ставрополь; М., 2006.

² Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Новая локальная история как проблемное поле актуального исторического знания // Историческое знание Кубани: становление и тенденция развития (конец XVIII – начало XX в.). Краснодар, 2006.

³ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 20.

⁴ Лапко Г.М. География городов: Учебное пособие для географических факультетов вузов. М., 1997.

⁵ Герберштейн С. Записки о Московитских делах. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1908. С. 116.

⁶ Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1. М., 1913. С. 104.

⁷ Багалеи Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887. С. 217.

⁸ Там же. С. 233.

⁹ Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. (По материалам южных уездов России). Воронеж, 1974. С. 61.

¹⁰ РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 20. Л. 185.

¹¹ Там же. Л. 2159–2359.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Д. 284. Л. 499.

¹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 20.

